

THE SEMANTICS OF PERSONAL NAMES OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA: ORIGIN AND MEANING

Amanbaev Berdax

Trainee teacher of the Department of Russian Language and Literature

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20195420>

ARTICLE INFO

Received: 07th May 2026

Accepted: 14th May 2026

Online: 15th May 2026

KEYWORDS

Anthroponymy, personal names, Central Asia, Turkic languages, onomastics.

ABSTRACT

This article is dedicated to the comparative-semantic analysis of personal names of Central Asian peoples—Kazakhs, Uzbeks, Kyrgyz, Turkmens, Tajiks, and Karakalpaks. The lexical layers of anthroponymic systems historically formed under the influence of Turkic, Iranian, Arabic, and Mongolian linguistic substrates are examined. Particular attention is paid to semantic motivations in naming, the typology of nouns, and onomastic universals that unite the peoples of the region. The analysis allows for the identification of both general patterns of Central Asian anthroponymy and specific national features.

СЕМАНТИКА ЛИЧНЫХ ИМЁН НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Аманбаев Бердах

стажёр-преподаватель кафедры русского языка и литературы

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20195420>

ARTICLE INFO

Received: 07th May 2026

Accepted: 14th May 2026

Online: 15th May 2026

KEYWORDS

Антропонимика, личные имена, Центральная Азия, тюркские языки, ономастика.

ABSTRACT

Статья посвящена сравнительно-семантическому анализу личных имён народов Центральной Азии – казахов, узбеков, кыргызов, туркмен, таджиков и каракалпаков. Рассматриваются лексические пласты антропонимических систем, исторически сложившихся под влиянием тюркского, иранского, арабского и монгольского языковых субстратов. Особое внимание уделяется семантическим мотивациям при наречении имён, типологии именников и ономастическим универсалиям, объединяющим народы региона. Анализ позволяет выявить как общие закономерности центральноазиатской антропонимии, так и специфические национальные черты.

Введение. Система личных имён народов Центральной Азии представляет собой один из наиболее

информативных пластов языка и культуры, аккумулирующих историческую память, религиозные

представления, этнографические особенности и межкультурные контакты народов региона. Антропонимика, являясь разделом ономастики, изучает состав, происхождение, структуру и семантические особенности имён людей в их диахроническом и синхроническом измерениях.

Народы Центральной Азии – казахи, узбеки, кыргызы, туркмены, таджики и каракалпаки – на протяжении тысячелетий находились в тесном этнокультурном взаимодействии, что закономерно отразилось в схожести принципов именования, общих антропонимических компонентах и типологически близких семантических полях, к которым принадлежат имена. Вместе с тем каждая антропонимическая система обнаруживает самостоятельные закономерности, обусловленные спецификой языка, религиозной традицией и историческим путём конкретного народа.

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточной степенью изученности сравнительной семантики личных имён народов Центральной Азии в рамках единой аналитической рамки, а также необходимостью установить ономастические параллели, свидетельствующие о глубоком историко-культурном единстве региона.

Лексические пласты и историческая стратификация антропонимов Центральной Азии

Лингвистическая история региона складывалась под

воздействием нескольких последовательно сменявших друг друга культурно-языковых волн: древнетюркской, монгольской, арабо-персидской и, в позднейший период, русской. Каждая из них оставила след в именниках всех без исключения народов Центральной Азии, однако удельный вес этих пластов в разных традициях различен.

Древнетюркский именной пласт является общим основанием для антропонимических систем казахов, узбеков, кыргызов, туркмен и каракалпаков. О. Т. Сайымбетов показывает, что в каракалпакских личных именах отчётливо прослеживается связь с орхон-енисейскими памятниками письменности V–VIII веков, где фиксируются такие антропонимы, как Ел-хан, Ел-терис, Йоллыг-тегин, Барс-бег. Их компоненты – ел (народ, страна), тегин (титул-звание) – сохраняются в современных каракалпакских именах: Елгелди, Барыс, Бекбосын [5; 20]. Аналогичная картина наблюдается в казахской антропонимии, где Т. Жанузаков фиксирует параллельное бытование тех же лексических элементов: Елтай, Барысхан, Тегинбек [3; 48]. В кыргызском именнике древнетюркская основа столь же очевидна: имена типа Манас, Эр, Батыр восходят к общетюркскому пласту и семантически соответствуют понятиям «герой», «мужчина», «богатырь».

Монгольский пласт, проникший в регион в период активных военно-политических контактов XIII–XIV веков, обнаруживается в

антропонимии как каракалпаков, так и казахов и кыргызов. Сайымбетов приводит убедительные параллели между монгольскими и тюркскими корнями имён: Алтан/Алтын (золото), Темур/Тэмэр (железо), Баатар/Батыр (богатырь), Ноён/Нойон (господин). Эти имена в каракалпакском именнике представлены формами Алтынбай, Темирбек, Батыр [5; 25]. В казахском и кыргызском именниках монгольское влияние ощущается в именах Байгал, Цэрэн, а также в распространении компонента хан/хаан в составных именах.

Арабо-персидский пласт является наиболее объёмным в количественном отношении для большинства народов региона и связан с распространением ислама, начавшимся в VIII веке. Для таджикской антропонимии арабо-персидский пласт является структурообразующим: имена Нилуфар (лотос), Гулнора (цветок граната), Бахор (весна), Дилшод (радостная душа) принадлежат к персидской лексике и широко распространены в Таджикистане и Узбекистане. В туркменском именнике персидское влияние выразилось в распространении имён с компонентами гул (цветок), дил (душа), нур (свет): Гулджахан, Дилбер, Нурджахан.

Семантические группы личных имён: типология и мотивация

Сравнительный анализ именников народов Центральной Азии позволяет выделить единые семантические архетипы, воспроизводящиеся в антропонимии

всех рассматриваемых народов, что свидетельствует о глубинном типологическом родстве их культур.

Имена-пожелания составляют наиболее многочисленную группу и отражают ожидания родителей в отношении судьбы, здоровья, характера и внешности ребёнка. В каракалпакской традиции, согласно классификации Сайымбетова, данная группа именуется «дезидеративными именами» и включает три подгруппы: пожелания долголетия (Турсынбай, Өлмесхан, Мыңбай), пожелания богатства и счастья (Бахыт, Дәулет, Еркін) и пожелания красоты и добродетели — преимущественно для девочек (Айгул, Нурсулыу, Жупар) [5; 37]. Семантически идентичные имена обнаруживаются в казахском именнике: Бақыт (счастье), Дәулет (богатство), Еркін (свободный). В узбекской антропонимии аналогичную функцию выполняют имена Вахт (счастье), Umid (надежда), Zafar (победа). Туркменские имена Bagtyýar (счастливый), Ýalkym (сияние), Bahar (весна) образуют параллельный семантический ряд. Таджикские Шодмон (радостный), Бахтовар (счастливый), Умед (надежда) принадлежат к той же типологической группе.

Имена, связанные с природой и небесными телами, занимают особое место в антропонимии региона и восходят к древнейшим анимистическим представлениям. Сайымбетов показывает, что в огузотюркской традиции Огузхан нарекал своих сыновей именами Кун (Солнце), Ай (Луна), Жулдыз (Звезда), Кок (Небо), Тау (Гора), Тениз (Море) – и

все эти основы сохранились в современных каракалпакских именах: Айжарық, Жұлдызхан, Таумурат, Тенизбай. В казахском именнике аналогичный ряд представлен именами Айгүл, Жұлдыз, Таң (Рассвет); в кыргызском – Айгүл, Жылдыз, Күнбүбү. Таджикские Ситора (звезда), Моҳтоб (лунный свет), Офтоб (солнечный свет) принадлежат к персидскому лексическому слою, однако семантически воспроизводят тот же архетип [2; 21].

Дескриптивные имена, отражающие обстоятельства рождения, занимают третью по значимости семантическую нишу. Сайымбетов систематизирует каракалпакские имена по признаку связи с временем рождения (Жумабай – рождённый в пятницу, Наурызбай – рождённый в Наурыз, Сәрсенбай – рождённый в среду), местом рождения (Аралбай, Дарьябай), порядком рождения (Алтыбай, Тогызбай, Мыңбай). Аналогичные системы зафиксированы в казахской антропонимии: Жұма (пятница), Жаңбыр (дождь, для рождённых в дождь), Орал (имя по месту рождения). Туркменская традиция включает имена Ваўгам (праздник), Täze (новый), Ўyl (год). В узбекском именнике аналогичную роль выполняют Navro'z, Bahor, Ramazon [1; 56].

Тотемные имена, восходящие к анималистическим культам, образуют отдельную семантическую группу, присутствующую во всех рассматриваемых антропонимических системах.

Сайымбетов указывает, что в каракалпакской традиции волк (Бөрі), барс (Барыс), орёл (Буркит) и сокол (Қаршыға) являлись тотемными животными. Их имена перешли в антропонимикон: Бөрибай, Барысбек, Буркитбай. В казахском именнике Барыс, Арыстан (лев), Бүркіт (орёл) обнаруживают прямую типологическую параллель. Кыргызские Арстан, Бүркүт, Карчыға (сокол) семантически идентичны. Туркменские имена Arslan, Garlaň (тигр), Bürgüt (орёл) завершают этот типологический ряд.

Морфологические и структурные особенности антропонимов региона

Личные имена народов Центральной Азии объединяет общая морфологическая типология, в рамках которой различаются простые (однокомпонентные) и составные (двух- и трёхкомпонентные) имена. Сайымбетов разрабатывает детальную морфологическую классификацию каракалпакских антропонимов, выделяя среди простых имён корневые (Аман, Батыр, Лала) и производные (с аффиксами различных грамматических категорий), а среди составных – модели с субстантивными, адъективными, глагольными и числительными компонентами [5; 15].

Субъективно-оценочные формы, придающие именам уменьшительно-ласкательное или уважительное значение, характерны для всех антропонимических систем региона и образуются сходными способами. В каракалпакском именнике

выделяется аффиксоиды: -жан (душа), -хан (хан), -гул (цветок), -бай, -бек, -бийке как элементы, кодирующие социальные смыслы и аффективные коннотации. В казахском именнике функционально идентичные компоненты: -жан, -бек, -хан, -гүл; в узбекском – -жон, -бек, -хон, -гул; в кыргызском: -бек, -кан, -гүл. Таджикские суффиксальные элементы -ча, -жон и компоненты -гул, -нур, -дил в составных именах типа Гулнора, Дилрабо, Нилуфар семантически и структурно близки описанной тюркской модели.

Антропонимический компонент нур является, пожалуй, наиболее ярким маркером общерегионального именного единства: он обнаруживается во всех шести именниках. В каракалпакском – Нурберген, Нургалий, Нурмурат; в казахском – Нұргүл, Нұрлан, Нұрсұлтан; в кыргызском – Нурбек, Нурайым; в узбекском – Нурилло, Нурия; в туркменском – Nurgeldi, Nurjemat; в таджикском – Нурулло, Нурзод. Данное явление демонстрирует, как арабо-исламский именной пласт стал подлинным цивилизационным связующим элементом центральноазиатских антропонимических систем.

Принципиальным отличием таджикской антропонимии от тюркских именников региона является её опора не на тюрко-монгольский, а на иранский именной пласт, включающий такие продуктивные основы, как гул (цветок), бахор (весна), дил (душа), шод (радостный). Вместе с тем арабский пласт одинаково значим и в

тюркских, и в иранской антропонимических системах Центральной Азии, что обусловлено общей исламской культурной матрицей.

Заключение

Проведённый сравнительно-семантический анализ личных имён народов Центральной Азии позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, антропонимические системы казахов, узбеков, кыргызов, туркмен, таджиков и каракалпаков демонстрируют выраженное типологическое единство в семантических мотивациях именования: во всех традициях присутствуют имена-пожелания, имена-описания, имена-тотемы и имена-посвящения, отражающие общую этнокультурную логику наречения. Во-вторых, лексическая стратиграфия именников региона включает три устойчивых пласта: древнетюркско-монгольский, арабо-персидский и позднейший – русскоязычный, причём соотношение этих пластов специфично для каждого народа.

В-третьих, антропонимический компонент нур и группа имён с компонентами гул, бек/бег, хан, жан составляют ономастическое общее пространство всего региона, свидетельствующее о глубинной культурной интеграции. В-четвёртых, монография О. Т. Сайымбетова по каракалпакской антропонимии открывает новые перспективы для компаративных исследований, поскольку системно описывает именник народа, занимающего уникальное переходное положение между тюркскими и

иранскими культурными ареалами
Центральной Азии.

References:

1. Бегматов Э. Антропонимика узбекского языка. АҚД. – Ташкент, 1965.
2. Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. – М.: Наука, 1987. – 221 с.
3. Жанузаков Т. Очерк казахской ономастики. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 248 с.
4. Никонов В. А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
5. Сайымбетов О. Т. Қарақалпақ тилиндеги меншикли адам атлары. – Нөкис: Билим, 2000. – 72 б.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с